

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

Отношения России с Европейским союзом в контексте нынешнего кризиса

Эксперт Иван Крестев посетил Кишинэу по приглашению Ассоциации Внешней Политики в рамках проекта по развитию перспективных и устойчивых отношений с Российской Федерацией, проект финансируется Черноморским Фондом регионального сотрудничества.

- Тема нашей встречи сегодня: "Отношения России с Европейским союзом в контексте нынешнего кризиса". Сейчас я дам слово г-ну Крестеву, а потом через 10-15 минут я думаю, что у нас состоится диалог и надеюсь на ваше активное участие. Г-н Крестев, прошу вас.

Иван КРАСТЕВ: Прежде всего, я хотел бы поблагодарить вас за приглашение. Я первый раз в Молдове. У вас будет возможность услышать болгарскую версию русского языка. Есть такая шутка, что в Болгарии успели забыть русский, но не успели выучить английский язык. Для меня данная встреча это прекрасная возможность поговорить, пообщаться, у меня нет желания читать здесь долгую лекцию, поэтому в течение 10 минут я хочу представить видение той ситуации, которая сложилась на европейском пространстве. А ситуация действительно очень неоднозначная и весьма интересная, особенно если обратиться к тому, что происходило три, четыре года назад.

В психологии есть очень простой и известный эксперимент. Вы берете и показываете человеку в течение каждых 10 секунд маленький рисунок с изображением кошки и на протяжении 5 минут спрашиваете его, что вы видите, и он отвечает: "я вижу кошку", "я вижу кошку", "я вижу кошку". После того как истекнут первые 5 минут, вместо каждой девятой кошки вы подставляете изображение собаки, но человек продолжает видеть кошку, затем вместо восьмой кошки вы тоже подставляете собаку, т.е. их уже 2, но человек продолжает видеть только кошек и не замечает собак. Спустя 10 минут, если вы его окликнете, к примеру, Петр, только после он начнет видеть собаку. По мнению психологов, суть этого эксперимента в том, что мы видим то, что мы видели до этого.

Я думаю, что то, что происходит на европейском пространстве это результат экономического кризиса, т.е. мы начали видеть собак там, где мы раньше видели только кошек. И это верно на уровне Европейского союза, это верно для России, это верно для всех. С этой точки зрения, наверное, первое, что мы должны сделать, чтобы понять, что мы будем делать, что мы будем решать – это повернуться и увидеть, что произошло за последние двадцать лет, но увидеть и "собак, а не только кошек".

Я полагаю, что самым интересным из всего произошедшего за последние двадцать лет является то, что, по сути, можно выделить четыре разных проекта, выпущенных после распада Советского Союза на большом европейском пространстве. С одной стороны это конечно расширение Европейского союза, но это не просто расширение Европейского союза, это переработка Европейского союза, потому что Европейский союз после 1992 года существенно отличается от того союза, который был до этого.

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

Второе, это перемены в России. В советской истории Россия была только империей. Россия после 1992 года попробовала сделать из себя национальное государство. Это было довольно новой вещью. Почему она решила это сделать? Что подтолкнуло ее к этому решению? Однако именно это решение является самым главным и это можно легко увидеть даже во время распада Советского Союза, который был сделан в большей степени из Москвы.

Третье, это перемены в Турции, в частности проект Кемалийской Турции, который в результате последних 10 лет тоже стал меняться. Результатом демократических перемен в Турции явилась Турция посткемалийского периода.

Четвертое, это появление достаточно большого числа новых государств на Европейском континенте. Люди любят рассказывать о последнем 20-летию как о спокойном времени в Европе, но с другой стороны за эти последние двадцать лет в Европе появилось так много новых государств. Только в Африке 60-х годов, после деколонизации наблюдался такой высокий рост числа государств.

Все эти четыре проекта очень разные, но у них есть общие черты. Все они довольно не стабильные. Это молодые проекты. И об этом свидетельствует то, что случилось на уровне безопасности. Я только что читал обращение министра иностранных дел Польши, которое он сделал в Берлине. Он говорит: "Самая большая проблема для Польши на уровне безопасности это не российские ракетные установки в Калининградской области, если они будут там размещены, это проблема кризиса это. Не забывайте, Польша не является частью Еврозоны. Так что, на протяжении последних двадцати лет для этих четырех проектов существовали определенные проблемы. Что делать ЕС, когда у него уже 27 членов, когда это абсолютно другой политический проект?"

Для России как постсоветского государства это тоже большая проблема. 43% россиян думают, что настоящие границы России это временные границы. Многие говорят об имперском воображении русских. Но проблема в том, что некоторые думают, что у России будут обширные границы, но большинство полагает, что границы России сузятся. Во внутреннем российском политическом дискурсе, когда речь идет о Кавказе это называется "внутренний зарубеж". Мы знаем понятие "ближний зарубеж", но внутренний зарубеж тоже существует. С точки зрения появившихся новых государств, вы знаете об этом намного больше, чем мы, потому что Республика Молдова тоже один из этих относительно недавно начавшихся проектов. Многие другие государства стали частью этого проекта, и когда они появились двадцать лет назад, у них было только название государства и границы. По моему мнению, центральной проблемой европейской безопасности на последующие десять лет является поиск возможностей того, как уравновесить не баланс государств, а баланс проектов таким образом, чтобы кризис одного проекта не довел до всеобщего кризиса на европейском пространстве.

Что особенно важно, что все это происходит тогда, когда Европа теряет свое центральное место в глобальной политике. И изменить это невозможно. Азия будет самым важным

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

геополитическим пространством на протяжении следующих десяти, пятнадцати, двадцати лет. Это результат экономического, политического и демографического развития. Посмотрите, сколько людей живет в Азии, а сколько живет в Европе. Об этом не раз говорили, и не имеет смысла снова и снова к этому возвращаться. Самое главное понять, какие есть возможности. То, что я хочу предложить для начала нашего разговора, заключается в следующем: Европу ожидают большие перемены. Эти перемены будут не с той точки зрения, что ЕС распадется, я думаю, что этого не будет, но, наверное, мы увидим Европу разных скоростей. По всей вероятности это будет консолидация на уровне Еврозоны, будут пересмотрены некоторые договоренности на уровне ЕС, повысится уровень федерализации Европы. Между прочим, данный кризис на уровне европейского пространства совершенно иной в отличие от того, который был на Советском и Югославском пространстве. Тогда стоял вопрос, как сделать союз более гибким, не таким федерализованным. В Европейском союзе обратная проблема, необходимо усиление политической федерализации, чтобы это выдержало, и, наверно, это будет сделано.

В России, пять или шесть лет назад была тенденция видеть свое государство более нестабильным, чем оно было. Теперь же появилась тенденция видеть Россию более стабильной, чем она есть на самом деле. Три года назад Администрация Президента Российской Федерации провела открытый опрос государственных элит различных уровней: региональных, политических, экономических, спрашивая об угрозах, которые Россия видит для себя. Я хочу еще раз подчеркнуть, что это был открытый опрос и это главное. Результаты были следующими. На первом месте была демографическая проблема. 50% опрошенных думают, что это самая большая проблема для России. На втором месте - энергетическая независимость Российской Федерации. На третьем – сепаратизм. На восьмом месте - китайская нелегальная миграция. Расширение НАТО заняло 22 позицию.

Мы говорим о внутренних исследованиях, которые проводила Администрация Президента РФ. Вполне очевидно, что у вас возникнет вопрос: "Почему Россия так много говорит о проблемах расширения НАТО, а не о других проблемах?" А все потому, что все мы любим говорить о проблемах, которые не так уж значимы. Намного проще говорить о проблеме НАТО, чем об институциональных, демографических проблемах. Почему я это говорю, потому что теперь во время кризиса самое главное даже не то, что происходит, а что люди думают о происходящем, я имею ввиду людей у власти. Следует отметить, что в этом смысле на европейском пространстве и постсоветском пространстве разный опыт. Это не даже проблема идеологии, это не проблема авторитаризма и демократии. Просто те люди, которые теперь у власти в Москве они прошли через распад Советского Союза, они помнят об этом, это их персональная история. Если вы читали интервью с В. Путиным, то у него есть замечательный текст, в котором он описывает историю тех событий и отмечает, что когда он в течение трех месяцев из Восточной Германии писал спец. доклады, никто не отвечал. Он говорит: "Москва молчала". Поэтому они с осторожностью будут относиться к происходящему. Это часть ДНК этой власти. Проблема в том, что самый большой проект может рухнуть за считанные недели, и они себя будут вести исходя из этого, поскольку есть достаточно большое ощущение нестабильности.

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

То поколение, которое теперь у власти в Западной Европе, они не знают результатов кризиса на своем личном опыте. Это поствоенное поколение, которое уже не помнит, что такое война, которое столкнулось с экономическим кризисом, но он был не так уж страшен. Поэтому Россия всегда будет видеть все более нестабильно, чем оно есть на самом деле в Европе, а в Европе, напротив, будет тенденция рассматривать все происходящее с точки зрения большей стабильности. Я думаю, что эта напряженность в разном видении происходящего будет важной составляющей взаимоотношений России и ЕС, поскольку это на самом деле является частью личного опыта данных политических элит.

Все спрашивают: "Будут ли значительные перемены в политике с приходом В. Путина к власти?". Перемены, которые начались с Д. Медведевым, не происходили без участия В. Путина. Думать по-другому было бы, по меньшей мере, наивно. Одной из самых больших перемен, если говорить о российско-польских отношениях, был личный проект В. Путина. Он знал, что поляки никогда не поверят в проект, если его будет вести Д. Медведев. Почему появилась эта перемена и что с ней будет? Я думаю, что новые отношения между Россией и ЕС, которые наблюдаются в течение последних трех лет это результат того, что три разных проекта, в которые были вовлечены разные страны, просто провалились. Польша не хотела, чтоб у нее была русская политика, она выступала за политику трансформации постсоветского пространства. Поляки после оранжевой революции думали, что они смогут изменить отношения с Россией, не меняя при этом взаимоотношения со странами, расположенными вокруг России. Так что русская политика Польши была Украинская политика. Это было конечно результатом той энергии, которая шла от оранжевой революции. Но после прихода нового правительства во главе Д. Туска появилось ощущение, что и это не сработало, было очень большое разочарование от того, что происходило на демократическом уровне в Украине. Второе. Было ощущение, что Польша может оказаться в изоляции, если она будет проводить твердый анти-русский курс, тогда как другие хотели найти какой-либо компромисс.

С точки зрения немецкой политики, нужно сказать, что она довольно прагматична. Торговые отношения с Россией мы не будем затрагивать. Остановимся на том, что Германия может оказаться в изоляции. Для Германии было не так легко создать консенсус ее политики вокруг Европейского союза. Уровень торговли между Германией и Польшей значительно больше, чем между Германией и Россией, это объем торговли. Оказалось, что с точки зрения происходящего на коммерческом уровне, прагматическая политика немецкого бизнеса не так уж много дала, поскольку отсутствие закона и порядка внутри России оказывается очень большой проблемой. Если даже на политическом уровне вы о чем то договариваетесь, то на практике это не работает. Ты не можешь все время ходить к В. Путину и говорить, что мы договаривались с канцлером, почему вы это делаете. Мы не говорим о крупных компаниях в энергетическом секторе, а о других компаниях, которые являются большой проблемой.

Также переменялись ощущения России, что она может играть роль альтернативы Европейскому союзу внутри постсоветского пространства. После первого кризиса оранжевого правительства в Украине, Россия думала о том, что она успеет использовать страхи постсоветских

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

элит против демократических волн, которые идут с Запада, чтобы консолидировать свое собственное пространство. Это не сработало, изоляция, в которой Россия оказалась после признания Южной Осетии и Абхазии, была большой неожиданностью. Россия сделала для себя своего рода открытие, что вокруг нее живут маленькие Бразы Тито и они конечно говорят Москве то, что она хочет услышать, но они и Брюсселю говорят то, что там хотят услышать. И с этой точки зрения верить в восстановление постсоветского пространства не так уж легко. То чего Россия сейчас боится, это кризис урбанизации, поскольку следующей волной будет кризис регионализации. Евразийское пространство, Евразийский союз является резервным вариантом на случай, если будет рост регионов, региональных структур, так как должен быть определенный безопасный путь, т.е. то, на что мы сможет рассчитывать. В таких ключевых для России странах как Казахстан, все-таки будет перемена власти в результате идеологического развития общества. Что будет после Назарбаева? Кто будет гарантом перехода? Если вы обратите внимание на экономическую и демографическую структуру Центральной Азии, она не сильно отличается от Ближнего Востока. Мы являемся свидетелями того момента, когда каждый из нас знает, что что-то изменяется и что-то происходит. Самое главное, чтоб все эти четыре проекта были взаимосвязаны между собой. Иначе может оказаться, что каждый будет думать, что происходящее в другой части Европы это абсолютно отличное от того, что думают другие, и тогда на самом деле второй кризис может возникнуть в результате непонимания, а вовсе не по причине каких-либо агрессивных интенций с одной или с другой стороны.

Я на этом остановлюсь.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

- *Спасибо за интересную презентацию. Я думаю, что у нас есть повод для дискуссии. Хотелось бы сперва дать слово нашему председателю г-ну Неделчук.*

- *Я очень впечатлен вашей презентацией, вы приводите очень интересные сравнения. Было бы интересно знать, какова позиция Болгарии в процессе трансформации Европы? Какие основные ориентиры в экономике, политике Болгарии? Вы конечно можете сослаться и на ваших соседей. Для нас очень интересен ваш опыт того, как вы осуществили процесс трансформации, поскольку, будучи одним из самых близких партнеров Москвы, вы сейчас играет определенную роль в Европе. Было бы интересно также знать ваши планы.*

Иван КРАСТЕВ: Здесь есть посол Болгарии, так что если кто-то что-то знает, так это он. Болгария это страна, которая на уровне экономических, торговых связей была ближе к Советскому Союзу, чем кто-либо из других стран. Экономический кризис 90-х годов был более глубоким в сравнении с другими регионами, потому, что болгарская экономика была зависима от российского рынка. Когда российский рынок просто исчез, у нас были проблемы, поскольку уровень зависимости от него был выше даже чем в Прибалтийских странах. Второе. В отличие от других стран Восточной Европы в Болгарии никогда не было сильного антироссийского консенсуса. Болгарский национализм традиционно никогда не был анти-русским. Конечно нельзя отрицать существования политических, антисоветских взглядов, но это другое, это не анти-

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

русские настроения, которые, скажем, существуют в Польше или даже наверное в Румынии. Третье. Болгария была как-то на периферии. Я думаю, что самое интересное то, что в 90-е годы Болгария не являлась частью какой-либо большой проблемы. Это не Югославия, это не война. С другой стороны, Болгария не была частью привилегированной Европы, частью Центральной Европы на которую бы все смотрели. Мы всегда гордо говорим, что мы остров стабильности. Однако, проблема в том, что быть стабильным хорошо, а быть островом не так уж хорошо. Проблема островов состоит в том, что до них надо доплыть. С этой точки зрения, я думаю, что есть три основных момента, которые изменялись в Болгарии и которые являются главными.

Первое, это был кризис 1997 года. Все говорят: "реформы, реформы". Самой большой реформой была инфляция. Потому, что тогда у людей появляется персональный опыт, они знают чего бояться. До 1997 года были разговоры о том, что необходимо делать для улучшения ситуации, но люди боялись, что они могут потерять, то, что у них есть. В 1997 году инфляция уничтожила сбережения людей. Большого нечего было защищать, поскольку все сбережения были уничтожены. Тогда и появилась психологическая и политическая возможность для более радикальных перемен на уровне экономики.

Второе это появление нового консенсуса в обществе. Я думаю, что очень важно то, что болгарская социалистическая партия не меняла свою позицию по отношению к НАТО и ЕС после кризиса 1997 и это важно, потому что успех европейской интеграции заключается в том, что ЕС никогда не хочет иметь дело с государством, в котором неизвестен результат следующих выборов. Прежде всего, потому, что итогом этого станет абсолютно иная политика. С этой точки зрения тот консенсус был очень важен, и это было главным, что позволило Болгарии достичь его. Между прочим, это было нелегко. Для социалистической партии сказать их избирателям, что надо любить американцев или Европейский союз было не так уж просто. Но они поняли, что другой альтернативы не существует. Это было второй предпосылкой и третьей предпосылкой было то, что Болгария выбрала для себя направление ЕС, и не стала вести двойную игру, не оставляя при этом для себя какой либо запасной безопасный путь. Мы сделали ставку, поставив все, потому что у нас не было ресурсов, чтобы играть в игры. Все-таки Болгария бедная страна Европейского союза, уровень бюджетного дефицита в Болгарии это уровень, который позволил нам стать членами Еврзоны. Мы это делаем не потому, что на нас кто-то оказывает давление. У нас уровень бюджетного дефицита намного ниже, чем в странах Еврзоны, но мы знаем, что если будет Европа разных скоростей, мы хотим показать, что мы хотим быть частью Европейского союза. Мы не будем играть в периферийные игры. Конечно, есть определенные отрицательные вещи, которые можно отметить, говоря о болгарской политике или болгарской экономике. Мне трудно понять, что Болгарии делать. Вы можете соглашаться или нет с нашей политикой, но нет ощущения, что Болгария играет во множество разных игр. Игра одна. С этой точки зрения Болгария понятна. Когда ты мал, когда ты беден, если ты понятен, это уже хорошо.

- На прошлой неделе мы обсуждали очень интересные вещи, и я думаю было бы интересно для нас всех услышать ваше мнение по поводу кризиса Европейского союза, развития демократии, состояния электоральных систем? Не могли бы вы прокомментировать события, происходящие

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

сейчас в России с точки зрения наших нынешних интересов, поскольку наша страна находится также в неоднозначном положении.

Иван КРАСТЕВ: Далекo не все, говоря о России, понимают одну очень важную вещь. С одной стороны выборы в России не важны, с другой стороны они играют определяющую роль. Никто не рассказывает историю Советского Союза как историю советских выборов. Тогда выборы были, но историки рассказывают, о том, что происходило на конгрессе партии, умалчивая о том, что происходило на выборах. В России независимо от того, что мы знаем, кто победит на выборах, и знаем, что определенный уровень манипуляции голосов все же существует, выборы очень важны для легитимности российской политической системы. Часть легитимности Путина направлена на то, что большинство россиян думают, что если бы выборы в России были честные и открытые он бы победил. И это очень важно. Второе, не менее важное это то, что в России есть предвыборный бюджет. Если вы не знаете, что в России нет настоящих выборов, то вы можете посмотреть только на бюджет. Это классическое демократическое бюджетирование. В предвыборный год социальные расходы идут вверх. Ты берешь их на себя, чтобы завоевать население. Третье, очень главное. Я совсем не давно разговаривал с одним из советников Кремля, который был с Б. Ельциным, был с В. Путиным, остался с Д. Медведевым и он говорил: "Когда ты смотришь из Вашингтона или из Берлина, ты думаешь, что мы успели заполучить власть региональных элит. На самом деле это не так. Мы попробовали, мы не успели. Не успели даже в Петербурге, хотя у нас было настоящее желание это сделать. Мы перевербовали региональных лидеров, но мы не успели сокрушить региональных лидеров. Настоящая сила, которая у них осталась очень сильна". В результате этого в России проявилась особая ситуация, в которой региональные руководители никогда не будут публично сопротивляться центральной власти. Но центральная власть знает, что если она что-то захочет, это не означает, что это станет реальностью. С этой точки зрения российская власть с одной стороны выглядит очень сильной, а с другой степень ее управляемости не самая высокая. Я думаю, что это очень важно для понимания проблемы - проблемы демократической управляемости. Это самая главная проблема, которую мы наблюдаем. Важно, чтоб не просто были проведены выборы, а чтоб во время выборов было выбрано правительство, которое сможет управлять. Эта проблематика еще не раз будет возникать, поскольку мы научились как-то легко рассуждать о стандартах и о том, как работают выборы.

С другой стороны внутри ЕС тоже будет большая перемена. Если произойдет консолидация Еврозоны вокруг общей бюджетной политики, из этого следует, что принятие экономических решений на самом деле будет вне политики. Это значит, что все европейские страны получают возможности, которые были у стран во время присоединения. Грубо говоря, для греков и итальянцев будет возможность поменять правительство, но не будет возможности изменить экономическую политику этих правительств. Так, что в результате этого кризиса оказалось, что в Европе есть два типа демократии. Так, значение общественного мнения в Германии повысилось, а значение общественного мнения в Греции и Италии просто потерялось.

Это будет настоящая напряженность. Некоторые думают, что если в 1991 году был вопрос: "Как такие страны как Болгария, Словакия, Польша успели демократизироваться на тот самый манер, который был сделан в начале 70-80-ых годов в Португалии, Греции, Италии?". Теперь

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

вопрос стоит по-другому: "Можно ли применить этот опыт к южным членам ЕС на том же уровне, который был достигнут в Центрально-Восточных Европейских странах?". Потому, то если вы обратили внимание, на то, как Центрально-Восточная Европа вела себя во время кризиса, оказалось, что она вела себя намного более предсказуемо, чем южные экономики. Но это не простой и однозначный вопрос. В 90-е гг. у нас были позитивные ощущения по отношению к Польше. Люди даже во времена больших перемен думали, что эти перемены не недолго, что потом все будет хорошо.

Вторая проблема. Коммунизм успел ослабить до нуля профсоюзы и организации, которые могли оказывать сопротивление во время реформаторской политики. Это верно не только для Польши, у Польши была абсолютно другая политическая динамика. Теперь основная проблема состоит в том, как Греция будет себя вести, как Польша или как Латинская Америка во время 80-х, когда проводились реформы международным валютным фондом. Сколько людей окажется на улице. Улица теперь опять является очень важным фактором европейской политики. Вы это знаете, мы это знаем. Но до этого, этого не было. С этой точки зрения это будет весьма драматической проблемой. С одной стороны, власть говорит: "мы уже больше не можем управлять, независимо от того, что мы делаем люди всегда не довольны". С другой стороны люди думают о коррупции, о том, что все, что власть делает, она делает исключительно для себя. Никакого уровня доверия не существует между властью и людьми. На самом деле очень трудно.

Между прочим, быть политиком становится очень трудно не только в Европе. У нас в Болгарии теперь очень сильная желтая пресса. Это та цена, которую ты платишь за то, что ты публичная фигура. Разные истории: правдивые и вымышленные. Что ты делал? Где был? С кем? Возникает вопрос: "А зачем мне все это нужно, для чего все это делать?". В результате этого происходит очень негативная селекция, новое поколение говорит, что мы не хотим в политику, нам это не интересно. Потому что очень высокая цена личной платы за это. Я думаю, что это тоже часть результата этого нового уровня кризиса о котором мы говорим. Проблема не в степени демократичности Европы, проблема совершенно в ином. Проблема состоит в демократической управляемости и это в какой-то степени верно и для России. Самое странное, что когда ты бываешь в России, оппозиция говорит, что власть очень сильная, власть очень консолидированная, они знают, чего они хотят. Когда ты обращаешься к властным структурам, они говорят: "у нас ничего не работает, все импровизация, мы не знаем для чего мы это делаем". У тех и у других есть ощущение кризиса, но одни думают, что это ощущение связано с легитимностью, а другие что это кризис управляемости. Эти два кризиса накладываются друг на друга, следующие три или четыре года будут изумительно драматично интересными. Я думаю, этот период будет таким же интересным как после Первой мировой войны.

- Мой вопрос заключается в следующем. Болгария впервые после 1944 года прошлого столетия приняла на своей территории иностранные войска, в результате передислокации американских войск на территории европейского континента. Скажите, что получила, что выиграла и что потеряла Болгария от этого? Как это отразилось на внутреннем развитии, политической стабильности, критике руководства со стороны оппонентов, оппозиционных политических

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

партиях? Или же все-таки преобладает укрепление национальной безопасности, реформа армии? Какова экономическая составляющая, бюджет, который получает за счет этого Болгария?

Иван КРАСТЕВ: Самое интересное, что это было частью того, о чем мы говорили. Если вы теперь проведете социологический опрос и спросите население Болгарии: "Есть ли чужие военные базы?", 50% населения ответят "нет" или "не знаю". Это случилось тогда, когда социалистическая партия была у власти, и президент страны был бывший лидер социалистической партии. В Болгарии по данному вопросу не было публичных политических дебатов. Никто из ведущих политических партий не хотел этих дебатов. Каждая периферийная страна знает, что есть опасность того, что тобой интересуются либо все, либо никто. Мы хотели избежать второй опасности. Мы хотели показать с технической точки зрения, что те военные базы, о которых мы говорим, на самом деле это Ближний Восток. Структура стратегического мышления не была направлена в Российском направлении. Что касается выигрышей и проигрышей на экономическом уровне, всегда есть тенденции к тому, что какие-то экономические вещи выиграют. Но на тот момент это было важным для социального самочувствия военных, потому что болгарские военные находились в критическом положении. Наблюдался дефицит военного бюджета. Второе как везде в мире полиция стала играть более значимую роль, чем армия. Так что для них быть частью военного блока это тоже результат их влияния на внутреннюю политику. Военное министерство не самое влиятельное министерство в процессе оказания влияния на принятие решений. Так что это случилось. Можно ли это поменять? Это можно поменять если бы был большой кризис, но то, что до сих пор сработало это присутствие очень сильного политического консенсуса. Не было интереса у ведущих политических партий придать все это огласке. Тоже самое было с болгарской позицией по войне в Ираке. Не было большого энтузиазма со стороны общественного мнения. Но мы сделали так, что общество не заметило, что мы были в Ираке, Киргизстане. К примеру, у такой страны как Польша был вначале энтузиазм, а потом появился довольно сильный скептицизм. В Болгарии же это оказалось вне дебатов. Только эксперты и люди, которые занимаются этими вопросами, были осведомлены, но это был результат политического консенсуса. Это был так называемый "заговор молчания". Это объясняет, почему это никогда не было большой политической проблемой, потому что все были частью этого решения.

- А журналистов что подкупили, что они молчали?

Иван КРАСТЕВ: Знаете, журналисты писали конечно, но они не являются частью больших дебатов. Ты можешь написать одну статью, вторую, используя незначительные политические факты, но этого мало. Я не знаю, кого подкупили, а кого нет. Думаю, что просто это не играет большой политической роли.

Общее: У нас эти вещи вызовут такую бурю и такие ангажированные медийные атаки, так называемую "бурю в стакане". Очень важную роль играют и источники финансирования.

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

Иван КРАСТЕВ: Это самое главное, то о чем мы говорили, отсутствие базового политического консенсуса. Если бы в Болгарии одна из ведущих политических партий решила бы на этом сыграть, у нас тоже могло бы такое случиться, вне всякого сомнения.

Общее: У нас происходит использование этого ресурса в чисто политических целях.

- Я бы хотел услышать о взаимосвязи миграционных процессов и национальной идентичности. Каким образом на этом сказался кризис?

Иван КРАСТЕВ: Это большая проблема. Когда вы говорите это особая проблема для моей страны на самом деле это проблема для всех стран. Кризис показал, что уровень солидарности не всегда пересекает национальные границы. Когда возникает проблема перемещения капиталов намного легче ее решать на уровне национального государства. Немцев, которые на протяжении двадцати лет осуществляли выплаты за Восточную Германию, было не так легко убедить платить за греков. И это имеет значение. Экономисты всегда говорили, что есть очень сильная позитивная корреляция между этнической гомогенностью общества и готовностью этого общества идти за большие ставки. С другой стороны то, что я видел на Балканах, я намного лучше знаю постюгославское пространство, я постсоветского пространства не знаю за исключением России, это тот факт, что многие из нас включены в большие политические проекты, это позволяло людям думать о своей идентичности, но не рассматривать ее как самоцель. Идея суверенитета очень важна для того, чтобы политическая общность могла существовать. Кризис показал две вещи. В Европе нет настоящих больших государств, за исключением Германии, все остальные это маленькие страны. Если посмотреть на уровень глобального мира, обратите внимание, сколько людей живет в Индонезии, сколько в Пакистане. Это все маленькие страны, очень маленькие. Европа существовала как политический и экономический субъект какого-то определенного уровня интеграции. Это императив, но с другой стороны, принимая во внимание то, как экономическая интеграция сейчас работает, если экономика как часть внутренней политики не будет довлеть над страной, принимая во внимание бюджет, расходы, становится понятным, что это не будет решаться на уровне электоральной политики. В результате, что останется в политике? Только идентичность и это проблема, потому, что политические партии конкурируют, спорят друг с другом. Это политика. Если вы не будете спорить об экономических проблемах, тогда о чем вы будете спорить? Вы будете спорить об идентичности, о том, кто мы.

- Как вы оцениваете роль религии в геополитических играх России в Европейской части? Какую роль сыграло православие?

Иван КРАСТЕВ: В Болгарии с этой точки зрения не было большой проблемы. То, что я вам скажу это ответ человека, который на самом деле довольно далек от эмоциональной составляющей этого. Новый российский патриарх очень сильная политическая фигура. Если вы меня спросите о трех самых важных политических фигурах в российской политике, я не сказал бы В. Путин, Д. Медведев, С. Лавров, я сказал бы В. Путин, Д. Медведев, Патриарх. Он сильная харизматическая фигура, у него есть политический язык, то, что он успел сделать на Украине,

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

было весьма интересным результатом. С другой стороны, существенная часть православия была ближе к национальному государству. Проблема формирования национального государства, кстати, у Болгарии есть свой положительный опыт ее разрешения, болгарская национальная государственность началась с того, что болгарская православная церковь боролась за свою идентичность. С этой точки зрения она испытывала более разностороннее влияние, чем скажем католическая церковь вокруг западной Европы. У Ватикана всегда была своя собственная политика и разделение на религиозное и политическое было намного более ощутимым. Конечно, через религию будет видна другая разница, скажем языковая. Это очень интересная позиция, потому что, то, на каком языке ты говоришь, влияет на твое представление о мире. Ты смотришь телевидение и многое видишь из того, что происходит в мире. И это оказывает определенное влияние. Я думаю, что культурный потенциал в России существует и церковь является ее частью. Проблема российского государства в начале 90-х годов была в том, что они всегда жили на советские ресурсы, не на русские. Этот советский ресурс устарел, это был временный ресурс. Я думаю, что теперь российское государство будет в большей мере использовать традиционный ресурс - русский язык, русский мир, на который Никонов тратит деньги. Проблема религиозности зависит от того как себя воспринимают локальные религиозные элиты. В Сербии церковь является православной и это очень сильный фактор. Российское православие тоже является ресурсом. Если, скажем, они думают, что это хорошо для Сербии, чтоб присутствовало православие, то они это сделают. Но в то же время, если сербы решат, что это мешает сербским национальным интересам, тот же самый сербский патриарх сблизится с сербским президентом, а не с российским патриархом. Так что все довольно сильно зависит от конъюнктуры. И последнее, что я скажу, когда речь идет о деньгах не всегда культурные связи являются важными.

- У меня вопрос из несколько другой сферы, скажите пожалуйста, проект "Набукко" такой же жизнеспособный как и ГУАМ? И насколько эффективно проводит В. Путин политику, используя газовую трубу? Действительно ли Россия заинтересована в привлечении технологий из Евросоюза, чтобы избежать повторения событий августа 2008 года? Это существенный фактор или нет?

Иван КРАСТЕВ: Я думаю, что в этой финансовой ситуации ни один из больших проектов не будет осуществляться. Это верно для проекта "Набукко", это верно для южных потоков. Проблема в том, что это бизнес проекты и на них нужны деньги. Я всегда хотел сделать карту Европы, на которой бы все страны отметили бы свои энергетические проекты и вы увидите, какая смешная картина получается. Каждый является в центре чего-то. Россия в отличие от Советского Союза не может жить в протекционистском режиме. Вся российская экономика построена на продаже собственных природных ресурсов. Весьма удачно высказывание одного российского аналитика: "с долларом мы себя ведем как с гастарбайтером, хотим прислать его на родину". И это верно, то, что будет защищать Россию это не российская армия, это российский валютный резерв. С этой точки зрения Россия тратит на резерв, но внутренней собственной промышленности не развивает. Если сравнить валовый российский продукт с валовым продуктом советского производства, то вы наглядно увидите насколько он ниже. Для России очень важным является наличие внешних рынков и уровень торговли на них. По моему мнению, результатом

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

этого кризиса явится то, что Россия не будет вкладывать все инвестиции в энергетическую отрасль. Я думаю, что Россия попытается влиться в банковский сектор Центральной и Восточной Европы, потому что европейские банки сейчас стали довольно дешевые, у России есть ликвидность валюты. Российский бизнес, хотя это кажется странным, но вы увидите, что он не будет вкладывать свои инвестиции в России. Российская государственная политика во многих случаях попросту сводится к стратегиям менеджеров, которые хотят, чтоб у них были возможности использовать эти деньги. Посмотрите, сколько денег Газпром вкладывает в евроструктуры, не развивая при этом почти ничего, но это добыча газа. Это тоже интересно. С другой стороны это позволяет как то диверсифицировать вне России, в которой дисбаланс велик. Очень важным, что усилит позиции России, является решение немецкого правительства касательно новой ядерной политики Германии, которое повлияет на позицию России на европейском рынке. С другой стороны, та консолидация Еврозоны, которая будет происходить не будет позволять Германии вести двойную политику по отношению к России. Этому пришел конец. Германская политика будет европейской политикой. И второе, конечно, В. Путин потерял С. Берлускони и это важно. Он ему доверял, это был политический лидер, который думал, что В. Путину можно верить.

Общее: Он и Г. Шредера потерял.

Иван КРАСТЕВ: да.

- У меня вопрос о безвизовом режиме между Брюсселем и Москвой. Есть ли какие-то неформальные условия, которые ставятся Брюсселем России?

Иван КРАСТЕВ: Как вы знаете для российской стороны, для политической элиты это было очень важным особенно до выборов. Один из истоков стабильности Путинского режима это открытые границы. В советское время было не так легко выехать за пределы Советского Союза, здесь обратная тенденция. Получается, что если тебе В. Путин на самом деле так уж не нравится, ты не будешь идти на площадь, чтоб против него бороться, ты просто будешь жить в Германии. И это очень важно, потому что та политическая энергия, которая появляется, она позволяет среднему классу идти вне страны, т.е. некоторые из этих людей будут продолжать иметь бизнес в России и т.д.. Именно поэтому открытые границы очень важны. И я думаю, что Путинская модель закрытия границ никогда не присутствовала. Это режим совершенно иной политической логики. Невозможным является то, чтобы Россия получила безвизовый режим до Молдовы, до Украины, до Турции. Есть три или четыре государства в Европейском союзе, которые этого никогда не позволят, потому, что для них это конец самой идеи расширения европейской интеграции. Всегда будет присутствовать Шведское вето, Польское вето. Для Европейского союза это очень важно.

Это не будет лекцией демократии, это будет технически, на уровне визового режима. Не забывайте, кто решает вопросы по безвизовому режиму, это министр внутренних дел, для них проблема внутреннего контроля в России большая проблема. Это, во-первых, открытие границ с Центральной Азией и второе это Чеченская проблема. Так что, чтобы Россия это сделала, нужна

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

содержательная реформа на уровне полицейского контроля. Готова ли Россия на это пойти, это очень трудно сказать. Если говорить о моих ожиданиях, то это либерализация, активизация бизнес-групп, студентов. Я хочу еще раз подчеркнуть, что это технические переговоры, в каждом положении нужно знать, кто и где находится на твоей территории, это не так легко. И конечно Россия большая страна, это намного легче сделать для Болгарии, для Республики Молдова.

-*Во что это все может вылиться в нынешней экономической ситуации?*

Иван КРАСТЕВ: То, что не случилось еще, в результате этого кризиса также является важным. К примеру, у нас нет высокого роста экстремистского бунта, хотя некоторые ожидали его появления. Но нет, этого не случилось. Из того, что произошло, хотелось бы отметить, тот факт, что правительства очень быстро умирают, а это, как мы уже видели на примерах других кризисов, приводит к экономическим угрозам, дезальтарнативности, наносящие урон экономической политике, которая важна для фискального союза. Это усилит радикальные настроения в обществе. Если ты не согласен, если ты не думаешь, что перемена в правительстве поможет изменить экономическую политику, тогда ты приходишь к мнению, что чтоб что-то изменить необходимо голосовать за самую экстремальную политику. Проблема популизма в Европе конечно не традиционная, но она очень сильная, как и националистические настроения. Люди говорят, мы являемся демократическими странами. Все говорят, что все зависит от властей, от нас ничего не зависит, а мы хотим показать, что что-то и от нас зависит. Между прочим, очень интересно обратить внимание на Грецию. Вчера в Греции случилось что-то абсолютно изумительное. Появился тот человек, который до этого работал в Международном Валютном Фонде, его назначили главой нового статистического института в Греции. Он сказал, что у них на самом деле дефицит был не 13%, а 15 %. Сегодня у них будет суд, его судят за то, что он не защитил национальный интерес Греции. Отсюда ожидается и рост популизма. Если говорить об ожиданиях, то, по моему мнению, дело не в том, появится сильная популистская партия или нет, а в том, что государственные элиты введут так называемые "mainstream parties" для усиления более радикальных позиций. Между прочим, это уже можно увидеть в Венгрии. Я думаю, что некоторые примеры, которые приводятся во внешней политике это своего рода позиционирование. Ты знаешь, что кризис будет, и ты занимаешь ту позицию, которая лучше сработает на выборах, даже если ты не считаешь ее прагматической.

- *У меня несколько провокационный вопрос. Считаете ли вы, что государства Черноморского бассейна остаются вашими партнерами или у вас есть примеры продуктивного сотрудничества с вашими соседями после краха коммунизма? И каковы ваши отношения с Турцией? Какие есть совместные проекты у вас? Имеет ли ваша страна интерес к прилегающим территориям Черного моря?*

Иван КРАСТЕВ: Знаете, если вы спросите нашего посла, он вам скажет, что Черное море является одним из наших приоритетов. С другой стороны, я знаю, что в 20-30 годах XX века, все эти города на морском побережье были полны беженцев после Первой мировой войны и Балканской войны, которые шли из Македонии. Когда они строили свои дома, у них не было окна

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

на море. С этой точки зрения мы не классическая морская нация. У нас море есть, но все-таки море никогда не было в центре политического воображения болгарской внешней политики. Я вам честно говорю, для нас самое интересно, это не то, что происходит в России, это то, что происходит в Турции, это ее новая позиция. Экономические отношения Болгарии и Турции очень хорошо развиваются, это заметно даже на уровне малого бизнеса, есть много людей в Болгарии, которые ездят в Турцию. Какая-то перемена на психологическом уровне наблюдается потому, что болгарский национализм всегда был традиционно антитурецким. Я вам расскажу один анекдот, который прекрасно все объясняет. В 70-х годах один из лидеров Ангольского революционного движения приехал учиться в Болгарскую Военную Академию и после окончания обучения он вернулся в Анголу. На встречи в Генеральном Штабе его спрашивают, кто самый сильный враг Анголы, он отвечает: "конечно Турция". Это говорит о многом, это действительно существует. Проблема в том, что Болгария всегда хотела, чтобы Турция была частью Европейского политического пространства, потому что мы хотели видеть европейскую Турцию, а не анти-европейскую. В новой ситуации Турция является очень сильной экономически и политически, с сильными амбициями, но на самом деле проблема в том, что мы еще не знаем, что нам со всем этим делать. И это незнание является очень интересным, потому, что даже если мы не желаем этого, мы не хотим также, чтобы Болгария была тем государством, которое сказало бы "нет". С этой точки зрения болгарское политическое решение будет интересным для Турции.

- У меня такой вопрос. Мы в Республике Молдова как выходцы из Советского Союза привыкли, что все решается в Москве, но сейчас появилась другая тенденция, все решается в ЕС. Здесь много представителей из гражданского общества, многие из нас заинтересованы в улучшении ситуации в стране. Я понимаю, что это искусственное противопоставление, но все же, по вашему мнению, насколько важно работать в столицах Европейского Союза?

Иван КРАСТЕВ: Знаете, Брюссель очень важен на начальном периоде интеграции. Но и это изменяется, теперь я думаю Берлин намного важнее, чем Брюссель, это даже видно на уровне размороженных конфликтов. Второе, это создание европейской сети влияния, но это разные уровни, это личный уровень взаимоотношений правительственных руководителей. Это имеет значение. С этой точки зрения даже советский опыт очень интересен. Когда теперь ты приезжаешь в Россию, ты не видишь у власти большого количества людей из Молдовы, даже если они существуют, они не будут об этом говорить. Но можно увидеть выходцев из Азербайджана, которых кстати много практически везде. Ты видишь много чеченцев, которые даже если об этом не говорят, но они интересуются, они знают свое дело. Это другая стратегия присутствия. К примеру, в Греции интересен успех проводимой ею политики с Брюсселем, который объясняется очень сильным присутствием Брюсселя: множество консультантов, привлечение денег и т.д.. Это характерно как для греков, так и для ирландцев.

- Можете ли вы сказать, будет ли Афганистан частью Шенген зоны? Какие на самом деле проблемы связаны с этим? Националистический настрой некоторых государств это одно, но есть такие проблемы, как например, коррупция?

Sinteze și Dezbateri de Politică Externă

Masă Rotundă, 29.11.2011

Иван КРАСТЕВ: С внутривалитической точки зрения есть тот уровень остроты миграций, который очень важен для радикальных партий и все эти страны, которые из очень сильной анти-миграционной партии не хотели бы, чтобы это было сделано символически. Есть и еще одна проблема. Более чем 100 тыс. нелегальных мигрантов, которые через Турцию приехали в Грецию, для них нет возможности, чтобы пешком дойти до Вены, но если бы эта возможность появилась, они бы это сделали и конечно австрийцы и немцы были бы очень несчастны от этого. Так что с этой точки зрения для Болгарии, с одной стороны очень важно, чтобы мы символически были в Шенген зоне, потому что когда появится Европа разных скоростей, мы хотели показать, что мы не заинтересованы быть вне ее. С другой стороны у нас нет интереса, чтобы у нас открылась сухопутная граница, потому что здесь важен этот момент, 100 тыс. человек они придут через Болгарию, они там не останутся, но это может привести к очень сильным политическим проблемам для страны. Мне кажется, что следует ожидать поэтапного присоединения к Шенген зоне. Сперва, чтобы мы стали частью Шенгенского воздушного пространства и т.д.. Вы спрашиваете о том, как будет выглядеть политическая динамика этих стран, на это я не отвечаю, это уже не проблема между правительствами, это проблема между правительствами и внутренним политическим процессом. С того момента как Болгария начала процесс присоединения к Шенген зоне это не увеличилось и не снизилось за последние шесть месяцев, у нас устойчивые темпы. Проблема с коррупцией - это то самое, что инфляцией не является, инфляцию ты можешь измерить, коррупцию ты можешь представить. С этой точки зрения коррупция это всегда политический критерий, который ты подставляешь как часть переговоров, когда ты говоришь о политике. Это не значит, что в Болгарии коррупции нет. Это те политические критерии, о которых в процессе европейской интеграции ты не знаешь, как сказать.

- К сожалению, наша встреча подошла к концу. Я очень хочу поблагодарить вас за участие, за то, что вы ответили на наши вопросы, и отдельная благодарность послу Болгарии за участие в данном мероприятии.